

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

КРУГЛЫЙ СТОЛ ПО ЭКОНОМИКЕ

25 февраля 2016 г. | Москва

Выступление

Михаила Крутихина

Крутихин Михаил. Михаил Крутихин, биография у меня очень ломаная, но последние 22 с лишним года я занимаюсь аналитикой нефтегазовой отрасли.

Крутихин. Быстрой катастрофы не будет — это совершенно точно. И если очень коротко говорить, то перед чем мы стоим? Мы стоим перед низкими ценами на энергоносители. И низкие цены не означают, что завтра перестанут добывать нефть. В первую очередь очень большая инерция у самой отрасли, то есть там, где уже вложен какой-то капекс, там, где уже были когда-то приняты инвестиционные решения. И там проекты до сих пор движутся, развиваются, и даже идет по всей стране некоторое повышение общее для страны нефти, которая добыта. Но происходит следующее: это очень быстро истощаются те месторождения, которые дают легкую нефть. Легкую нефть в плане малой себестоимости добычи. Компании практически ничего не вкладывают в новую нефть, то есть в разведку и добычу новой нефти, то есть они только делают вид, что они вкладывают. И еще можно сказать, что компании ничего не вкладывают в трудноизвлекаемые запасы, поскольку там себестоимость высокая, никто не хочет туда ничего вкладывать.

Есть очень короткий горизонт планирования, то есть нефтяные компании планируют где-то на год или два, то есть не больше, но поэтому невозможно начинать новые проекты, потому что они требуют 7–10–15 лет, прежде чем инвестиции начнут возвращаться и давать какую-то прибыль.

Значит, общее настроение в нефтяных компаниях — это мы сейчас как можно больше выгребем того, что легко взять, продадим это, а дальше пусть хоть трава не расти. И вот когда наступит тот момент, я вам предсказывать не берусь, возможно, это будет уже в будущем году. Мы вот в конце года, то есть в 2016 году, начало тенденции должны увидеть, если судить по тому, как опустошаются эти легкие запасы нефти, дешевые запасы нефти.

Если говорить о газе, то у нас нет новых рынков. Конечно, мы можем продать жуткое количество газа, мы набурили столько, что ой-ой, и труб у нас больше чем достаточно. Но там другая проблема, потому что там «Газпром» будет сталкиваться с точно такой же ценовой войной, которую мы видим сейчас. То есть приблизительно через два года в Европе газ будет стоить примерно 110 долларов за тысячу кубов, а у «Газпрома», по подсчетам ВР **, с которым он может работать, это где-то 130 долларов за тысячу кубометров. «Газпром» может какое-то время тянуть, поскольку у него в первую очередь есть огромное количество скважин, которые давным-давно поглотили капекс, вполне приличная сеть инфраструктуры, по которой газ можно продавать. Но в первую очередь «Газпром» будет терять на реализации этого газа, во-вторых, он будет продолжать паразитировать на государственном бюджете, на налогоплательщиках, но компания вряд ли будет разваливаться, поскольку это личная компания нашего президента, то есть она защищена таким положением. И ее никто расчленять пока не хочет — и вряд ли в ближайшее время будет.

То есть, в принципе, можно сказать о том, что это будет медленное затухание доходов, которые мы получаем от нефти и газа. И вот что касается катастрофы, кстати, я тоже хотел бы добавить. Мне все-таки видится в первую очередь, если смотреть на положение общества, то, скорее всего, оно будет медленно-медленно ухудшаться и без таких революционных скачков. Я согласен с тем, что это будет какая-то такая стагнация. Но если будет что-то из перемен больших, то, скорее всего, нужно ожидать элитного переворота внутри Москвы. Например, я разговариваю — у меня есть несколько приятелей, которые работают в ФСБ. И они говорят, что они больше не могут... ребята они честные, они прошли Чечню, они хорошие, нормальные ребята, и они на неплохих должностях, что называется, на земле работают. И они говорят, что они не могут больше терпеть, потому что это насквозь коррумпированная система и им уже даже стыдно перед своими семьями. И один из них уже уходит преподавать в школу КГБ, другой в отставку собирается уходить. Ну, в общем-то, недовольство есть в этих элитах, но я не вижу, чтобы

оно дошло до такого состояния, чтобы ФСО пошло на ФСБ и наоборот и где-то кто-то на кого-то напал. Но это будет медленное умирание всего.

Мовчан. Можно быстро два вопроса. В первую очередь нефть по 10 долларов за баррель?

Крутихин. Нет, это будет временно все. Если говорить о мировой тенденции, то, на мой взгляд, я по-прежнему, как ни странно, уже довольно-таки давно идет 30–35 долларов, и я считаю, что это дно коридора. И, скорее всего, на протяжении 2016–2017 годов, возможно, средняя часть коридора будет где-то 45 долларов. Но, на самом деле, прыжки будут вверх и вниз, и каждый прыжок будет, конечно, сопровождаться воплями — или мы победили, или мы проиграли, но в целом, на самом деле, нужно смотреть на среднюю линию, на коридор.

Мовчан. Хорошо, второй короткий вопрос — это нефтяное эмбарго.

Крутихин. А вот это очень интересный вопрос. Лично мне до сих пор не понятно, потому что у меня нет прямых выходов на тех, кто принимает решение по санкциям против России. Но я не исключаю того, если будут какие-то некорректные действия со стороны российского руководства в геополитическом плане, тогда, может быть, введут нефтяное эмбарго на закупку российской нефти. Европа без российской нефти обойдется, вот без газа пока не обойдется, то есть пока многие страны не обойдутся. А если говорить о нефти, то совершенно спокойно — конечно, не спокойно, немного поднатужатся, но обойдутся. Но для России, на самом деле, это будет самый большой удар. Вот когда у нас было 52% дохода в бюджет от нефти и газа, где-то 45–46% было от нефти. И вот это самое главное, ведь от газа-то было намного меньше. И вот если по нефти будет большой удар, хорошо, китайцы какую-то нефть у нас возьмут, нарушая все эти санкции. В Азию удастся продать тоже какую-то часть нефти, но это только малая часть, и еще будет вопрос в том, возьмут ли? И это будет гигантский удар, это будет ускорение экономического коллапса России.

Крутихин. Я замечу про санкции. Дело все в том, что санкции сейчас не вполне серьезны. Ну то есть против нефтегазовой отрасли — это запрет на сотрудничество с шельфовыми проектами, особенно в Арктике, и еще это запрет на содействие в разработке трудноизвлекаемых запасов. Российские компании не идут в Арктику, потому что там очень высокая себестоимость. И никто не имеет там никаких серьезных планов, поэтому никто не идет на трудноизвлекаемые запасы, поэтому санкции тут совсем не имеют отношения.

Санкции имеют отношение к друзьям товарища Путина и к некоторым финансовым операциям. Ну есть отдельные проекты, которые от этого пострадали, типа сахалинского проекта «Южно-Керенская», но это, опять же, отдельные проекты, а не целая отрасль.